

Когда императорские дары доставили в резиденцию генерала, Цзян Чуан с трудом успел смыть с себя грязь, вытереть волосы Вэнь Цзюэ и уже собирался как следует позабавиться с супругом...

Однако в самый разгар веселья его бесцеремонно прервали, так что дары он принимал с крайней неохотой.

Вэнь Цзюэ, напротив, ничуть не выказал недовольства. Он лишь протянул руку, ласково коснулся мужа, успокаивая:

— Отблагодарим за милость, а после и продолжим, ещё не поздно. Не стоит из-за подобного давать повод для пересудов.

— Ладно, будь по-твоему! — Цзян Чуан, получив столь приятное обещание, мигом воодушевился. Он резко поднялся, наскоро накинул верхний халат, небрежно завязал пояс и, присев, взял Вэнь Цзюэ за ступню, чтобы обуть его.

Вэнь Цзюэ на миг замер, но убирать ногу не стал. Дождавшись, пока муж обуеет его, он положил руку Цзян Чуану на плечо, провёл пальцами по его волосам и, нащупав лоб, наклонился, чтобы нежно поцеловать его туда.

— Спасибо, муж мой, — с лёгкой улыбкой прошептал он.

Цзян Чуан коснулся своего лба и невольно расплылся в улыбке:

— Мне нравится такая награда! Какой же ты у меня хороший, Чжияюй!

Вэнь Цзюэ поднялся, опёрся на руку мужа и, видя, что тот всё ещё медлит, с улыбкой вздохнул:

— Юньчуань, нам пора выходить. Нехорошо заставлять евнуха ждать.

Если евнух останется недоволен, он вернётся во дворец и донесёт на них императору, а это принесёт лишь лишние хлопоты.

Поняв его беспокойство, Цзян Чуан сжал ладонь супруга и подбодрил:

— Пустяки. Ты ведь пятый принц, пусть себе ждёт! Чего бояться?

С этими словами он повёл Вэнь Цзюэ к выходу и разжал руку, лишь когда они почти покинули внутренний двор. Вэнь Цзюэ опёрся на Чаннина, и супруги вновь изобразили перед посторонними, будто между ними не ладится.

Евнух, прищурившись, окинул взглядом эту пару, чьи помыслы явно расходились. Лицо пятого принца по-прежнему выражало привычную кротость и робость, а вот генерал Цзян совершенно не умел скрывать чувств и даже не пытался утаить своего раздражения по отношению к супругу.

Евнух слегка повёл бровями, ничуть не выразив недовольства тем, что ему пришлось изрядно прождать. Поклонившись им, он принялся зачитывать императорский указ.

Чаннин бережно помог Вэнь Цзюэ опуститься на колени. Склоняя голову, Цзян Чуан бросил на супруга быстрый взгляд и успокоился, лишь убедившись, что тот ни обо что не ударился.

Стоя на коленях, они внимали указу и возносили благодарность. Слушая перечисление даров,

Цзян Чуан едва сдерживался, чтобы не закатить глаза. Пожалование титула князя Цзинь и дары по случаю свадьбы — всё вместе уместилось всего в восемь сундуков! Мог ли собачий император быть ещё скупее?

Когда в своё время третий принц получил титул князя И, торжество устроили знатное, а одних лишь даров поднесли не меньше десяти сундуков.

Когда евнух закончил читать указ, напоследок он произнёс: «Да пребудут великий генерал Цзян и пятый принц в согласии до самой старости».

Цзян Чуан резко вскинул голову и, мрачно уставившись на евнуха, поднялся на ноги:

— Что ты сейчас сказал, евнух? Пятый принц? Разве не князь Цзинь?

Он вырос перед евнухом точно несокрушимая скала, а исходящая от него жажда убийства, закалённая в многолетних сражениях, внушала неодолимый трепет.

Евнух испуганно съёжился под его взглядом и поспешно поклонился, сложив руки перед грудью:

— Императорский указ зачитан, дары доставлены, ничтожный раб возвращается во дворец для доклада!

— Да ты... — Цзян Чуан хотел было броситься следом, чтобы потребовать объяснений, но его удержал за руку Вэнь Цзюэ. Обернувшись, генерал увидел, что супруг отрицательно качает головой.

Вэнь Цзюэ вполголоса произнёс:

— Отец-император с самого начала не желал жаловать мне этот титул. Если станешь расспрашивать дальше, лишь навлечёшь на нас его гнев.

Действительно, в прошлой жизни Вэнь Цзюэ так и не дождался титула князя Цзинь. Проживи он дольше, возможно, и получил бы его.

Как жаль! Цзян Чуан думал, что ради спасения лица собачий император расщедрит на титул князя Цзинь по случаю этой свадьбы — велика ли важность, ведь мог бы и пожаловать.

От злости Цзян Чуан даже не пошёл провожать уходящих посланников. Он окинул взглядом столпившихся слуг — в большинстве своём это были молодые служанки, присланные с Вэнь Цзюэ из дворца. Говорилось, будто они прибыли прислуживать, но какие замыслы скрывались за этим, понимал и Вэнь Цзюэ, и тем более Цзян Чуан. Потому он крайне недовольно прикрикнул на них:

— Ступайте прочь!

Служанки растерянно переглянулись, испуганно присели в поклоне и пролепетали:

— Слушаемся.

Цзян Чуан не боялся, даже если слухи о его сегодняшнем поведении дойдут до ушей государя. Так или иначе, в глазах императора он уже прослыл честолюбивым наглецом, которому до мятежа оставался всего шаг! Ну и что с того? Старый император не посмеет лишить его звания. Пока на границах неспокойно, ему придётся терпеть генерала! Да и жить старику

оставалось всего ничего.

Однако Чжиюю такое не под силу. Цзян Чуан не мог открыто проявлять к нему заботу на глазах у шпионов императора.

Иначе император заподозрит, с какой целью Чжией согласился на этот брак, и не было ли свадебное повеление частью его собственного коварного замысла. Тогда государь придёт в ярость, и кто знает, какие злые козни он замыслит вновь, тем более что под боком у него всегда крутится императрица, люто ненавидящая Чжиюя и готовая в любой миг нашептать яду на ухо мужу.

Цзян Чуан отвёл супруга обратно во внутренний двор и, подхватив на руки, перенёс в покои. Всю дорогу он хранил угрюмое молчание. Вэнь Цзюэ не видел его лица, но по тяжёлому дыханию понимал, что тот вне себя от ярости.

Пока они шли, Вэнь Цзюэ успел взвесить в уме множество вариантов и просчитать кучу уловок, но, оказавшись в объятиях Цзян Чуана, на время отложил эти мысли.

Цзян Чуан помог себе и Вэнь Цзюэ снять верхние халаты. Глядя, как послушно стоит супруг, позволяя делать с собой всё, что угодно, генерал смягчился, и злость почти улетучилась.

На смену гневу пришла щемящая жалость:

— Чжией у меня такой благоразумный, такой рассудительный, да ещё и несказанно красив! У собачьего императора совсем глаза ослепли, раз он так обходится с тобой!

Вэнь Цзюэ снова услышал, как грубо муж ругает императора. Сердце его болезненно сжалось, и он нахмурился:

— Юньчуань, не будь столь непочтителен! У стен есть уши!

Цзян Чуан несколько раз пробормотал «тьфу-тьфу-тьфу», показывая, что понял свою оплошность, а затем обхватил супруга и усадил к себе на колени.

Ему безумно нравилось вот так держать Вэнь Цзюэ: что бы ни случилось, он всегда мог защитить его, укрыв в своих объятиях в полной безопасности.

— Не беспокойся. Раз уж он не пожелал добровольно пожаловать тебе титул, я даже поставлю на кон все свои военные заслуги, но заставлю его объявить тебя князем!

Вэнь Цзюэ надолго притих. Всем телом прижимаясь к груди Цзян Чуана, он чувствовал себя так, словно бежать было некуда, — да и, по правде говоря, ему всё меньше этого хотелось.

Женитьба на Цзян Чуане была лишь ходом в его игре, однако ради этой партии он поставил на кон самого себя. Вэнь Цзюэ не знал, стоило ли оно того, но ради помощи императорской сестре он без колебаний пошёл бы на любую жертву.

Вэнь Цзюэ осторожно спросил:

— Но... если ты станешь так давить на него, разве он не поймёт, что твоё пренебрежение ко мне — лишь притворство?

Цзян Чуан тоже призадумался. Он был всего лишь простым военным, откуда у него взяться хитроумию? Не будь он так прост, разве в прошлой жизни Вэнь Цзюэ крутил бы им как хотел?

Но, начав жизнь заново, он заметно остепенился.

— Тогда я придумаю другой способ. Или ты, Чжикюй, подскажи мне!

Вэнь Цзюэ недоумевал:

— На самом деле мне совершенно безразлично, пожалуют мне этот титул или нет. Зачем тебе так упорствовать?

Не успел он договорить, как Цзян Чуан тут же возразил:

— Как это зачем?

Он взял его за руку и с нежностью поцеловал пальцы:

— То, что принадлежит тебе по праву, должно быть твоим, и никто не смеет это отнять! Всё положенное тебе вернут!

Пальцы Вэнь Цзюэ дрогнули, место поцелуя будто обожгло жаром. Он слегка сжал ладонь в кулак и, опустив глаза, печально промолвил:

— Отец-император любил меня сильнее всего тогда, когда я только ослеп. В то время он испытывал глубокую вину передо мной и относился ко мне очень хорошо — пусть и не лучше всех, но по крайней мере не хуже, чем к третьему императорскому брату.

— ...Однако вскоре он узнал правду о моей слепоте и решил, что я нарочно выпил яд, дабы очернить императрицу, но просто не рассчитал дозу. Он пришёл в неописуемую ярость и разом лишил меня той мимолётной ласки, что даровал... С тех пор я вновь сделался для него ненужным сором.

Цзян Чуан никогда прежде не слышал этой истории. В его воображении тут же возник образ маленького Чжикюя, который, едва ослепнув, был тотчас отвергнут собственным отцом и остался совсем один сидеть в полуразрушенном дворце, питаясь объедками и терпя издевательства слуг.

— Проклятье! — Голос Цзян Чуана слегка задрожал, и Вэнь Цзюэ уловил эту перемену.

— Ты тоже думаешь, что это сделал я? — спросил его Вэнь Цзюэ.

Цзян Чуан без промедления ответил:

— Да как такое возможно?! Сколько тебе тогда было лет?

— А если я и впрямь сам навлёк на себя эту кару? — Вэнь Цзюэ сильнее сжал ткань рукава.

— Даже если это сделал ты, виновен всё равно он! — Цзян Чуан крепче прижал его к себе. Вэнь Цзюэ не мог видеть, как покраснели его глаза. — Какое право он имел так поступать с тобой? Мне лишь невыносимо больно оттого, через что тебе пришлось пройти. Принять яд... до какого же отчаяния нужно было тебя довести?

Пальцы Вэнь Цзюэ, стискивавшие рукав, мгновенно разжались. Он тихонько шмыгнул носом и невольно подумал: «Неужели в этих сладких словах Цзян Чуана кроется хоть капля искренности?»

Цзян Чуан спросил его:

— А твоя императорская сестра? Разве она не заботилась о тебе?

— Заботилась. Не будь её, разве смог бы я уцелеть в том дворце и дожить до сегодняшнего дня?

Цзян Чуан недоумевал:

— Вы ведь рождены от одной матери. Отчего же великая старшая принцесса Чэнью окружена таким почётом, а государь обходится с тобой подобным образом?

Вэнь Цзюэ спокойно ответил:

— Императорская сестра родилась в те годы, когда любовь матушки-наложницы и отца-императора была в самом расцвете, и росла, окружённая безграничной заботой. Я же появился на свет, когда их чувства совсем угасли. Не знаю, что стряслось между ними, но матушка-наложница возненавидела отца-императора. Она вовсе не желала вынашивать меня, ведь я стал для неё лишь обузой, помехой на пути к свободе из дворца.

— Довольно, не надо, — Цзян Чуан не хотел, чтобы супруг терзал себя былыми обидами. Он бережно обхватил его лицо руками и мягко провёл большим пальцем по покрасневшим уголкам глаз Вэнь Цзюэ. — Не говори больше об этом... Всё уже в прошлом. Что бы ни принесло нам будущее, я всегда буду рядом. Мы ведь обвенчаны по воле самого императора, и никто не в силах нас разлучить!

Вэнь Цзюэ кивнул и с кроткой улыбкой прислонился к его плечу. Цзян Чуан так и не заметил, как на лице супруга на миг промелькнуло выражение холодного расчёта.

<http://bllate.org/book/20326/2029324>